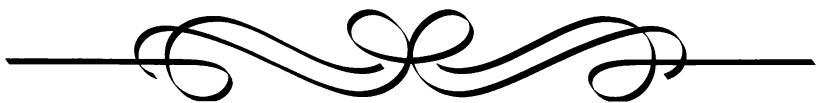

Глава IX

Смерть Анастасии и второй брак Ивана

В июле 1560 года в Москве произошло несколько крупных пожаров, и царь вывез Анастасию в свой загородный дворец в Коломенском. В то же время сам он вместе со своим двоюродным братом Владимиром Старицким прилагал все усилия, чтобы справиться с огнем¹. 2 августа на Москву напали около трех тысяч крымцев, которые были обращены в бегство. Однако ослабевшая от болезни царица не смогла выдержать пожаров и потрясений и 7 августа 1560 года скончалась в возрасте двадцати девяти лет. Она была первой женщиной на престоле всего русского царства. За свою мягкость и скромность она была любима, судя по всему, не только Иваном, но и народом, который в огромном количестве стекался на ее похороны, памятуя о ее милосердии и незлобивости. Царь с плачем и стенаниями следовал за гробом в сопровождении брата Юрия, двоюродного брата Владимира и двух татарских царевичей, в толпе народа, собравшегося со всего города не столько в надежде на раздачу милостыни, сколько из скорби по умершей².

Нет сомнения в том, что царица разделила судьбу многих своих современниц из разных стран, став жертвой малокровия и истощения, вызванных частыми беременностями и усугубленных страданиями из-за смерти четырех ее детей, а также непомерными усилиями держаться наравне с мужем³ в условиях тяжелого климата. О ее непосредственных взаимоотношениях с Иваном ничего не известно.

Зато ее жизнь отразилась в переписке, в летописях и отзывах других лиц. Впоследствии Иван обвинял Алексея Адашева и Сильвестра в том, что они ускорили ее смерть, заставляя его избавить царицу от участия в паломничествах к святым местам и мощам, которые могли бы вернуть ей здоровье. Он был также убежден, что его соратники использовали против нее колдовские чары. Точку зрения тех, кто исходит из существования «двух Иванов», доброго и злого, в двух словах выразил Карамзин: *«Здесь конец счастливых дней Иоанна и России: ибо он лишился не только супруги, но и добродетели»*⁴.

В таком благостном и человеческом духе изображает эти события Карамзин, но есть и иные точки зрения. Некоторые русские историки на протяжении многих лет полагали, что Анастасия была отравлена, и неоднократные исследования ее эксгумированных останков как будто бы подтвердили гипотезу о насильственной смерти ее и некоторых родственников и бояр Ивана. Недавно проведенный подсчет наличия в ее костях мышьяка и ртути, то есть тех ядов, которые предположительно могли быть использованы, показал присутствие на 100 г костей 0,8 мг мышьяка и 0,13 мг ртути. Это сопоставимо с концентрацией мышьяка в костях великой княгини Елены Глинской, матери Ивана IV (умерла в 1538 году), и царя Федора Иоанновича (умер в 1598 году). Но даже если допустить, что Анастасия была отравлена, что не подтверждается вышеприведенными данными, то кто был заинтересован в убийстве этой совершенно безобидной молодой женщины? Уж во всяком случае не Адашев, к тому времени сосланный в Феллин, и не Сильвестр. И разумеется, не князь Курбский. Общий вывод, который напрашивается из всех этих рассуждений, заключается в том, что Анастасия не была отравлена, а позднейшее убеждение в этом Ивана следует отнести на счет мании преследования, постепенно развивавшейся в нем и затуманивавшей его рассудок⁵.

Уже через неделю после кончины Анастасии, 14 августа 1560 года, митрополит Макарий с епископами и боярами предстал перед Иваном с несколько неожиданным прошением. Они просили царя приостановить свой траур и, полагаясь на Господа, вспомнить, что ему не следует откладывать новую женитьбу, ибо он является еще молодым государем, не достигшим того возраста, когда можно обходиться без супруги. Поэтому ему следует побыстрее вступить в брак, чтобы не страдать от одиночества. Недолго раздумывая, Иван решил, что лучше жениться, чем томиться, и почти тотчас же объявил о намерении взять себе новую жену.

Это решение ставило в тупик многих историков, особенно тех, кто исходил из современных представлений о любви и полагал, что привязанность Ивана к Анастасии должна была заставить его носить более долгий траур. В частности, такой довольно трезвый в целом исследователь, как С.Б. Веселовский, приходил в негодование от предположения, что человек, который вел столь распутный образ жизни и был столь эгоистичен в своих требованиях к жене, мог испытывать по отношению к ней какие-то чувства⁶.

Он считает, что предложение Макария о повторном браке царя было вызвано неодобрением с его стороны распущенного поведения Ивана после смерти жены. Нет сомнения, что Иван был весьма чувственной натурой, и, поскольку болезнь Анастасии должна была повлечь за собой период вынужденного воздержания, он мог искать утешения за пределами супружеской постели. Карамзин приводит запись в рукописи одной из летописей, что *«умершей убо царице Анастасии нача царь быти яр и прелюбодействен зело»*⁷. По всей вероятности, это правда, как и то, что Иван не хранил верности Анастасии и до ее смерти, даже если и любил ее. Когда Курбский гораздо позже упрекал Ивана в том, что они называли *«кроновыми жертвами»*, то есть в изменах царице при ее жизни, тот отвечал: *«А бюджет молвиш, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, — ино вси есмы человецы»*. И сам задает Курбскому многозначительный, хотя и туманный вопрос: *«Ты чево для понял стрелетцкую жену?»*⁸. Летописи также отмечают перемены в характере Ивана после смерти Анастасии. Теперь его поведение было лишено сдерживающих факторов. Смерть царицы до глубины души потрясла Ивана, восприимчивость его натуры превратилась в раздражительность, и ее жертвами стали многие из членов его семьи и советников⁹.

Масштабы кризиса, вызванного смертью Анастасии, заставляют задаться вопросом: не привел ли он к своего рода надлому психики царя, поселив в нем столь сильный панический страх, что его могли приглушить только разнузданные оргии или массовые избиения предполагаемых врагов? Иван всегда отличался жестокостью и садизмом, но потеря контроля, размах и стремительность репрессий, к которым он теперь приступил, были внове, как и беспрецедентная степень сопровождавшего их садизма.

Однако были и другие причины, побуждавшие царя вступить в новый брак. Прежде всего, хотя у Ивана было два сына, младший, Фе-

дор, не подавал больших надежд в качестве кандидата на трон, так что все упования были связаны со старшим сыном, Иваном Ивановичем, который мог и не пережить отца. Брата Ивана, Юрия, никогда не рассматривали в качестве наследника престола (сын Юрия, Василий, родившийся в 1560 году, к превеликому огорчению Ивана, умер в возрасте одиннадцати месяцев)¹⁰.

Таким образом, ближайшим преемником царя теперь неизбежно становился Владимир Андреевич Старицкий, правда, не обладавший сильным характером, но имевший полную возможность перетянуть на свою сторону многих удельных князей, чтобы предотвратить установление регентства Захарьиных-Юрьевых, родственников Анастасии, которые оказались бы в меньшинстве. Иван, что вполне естественно, предпочел бы оставить царство собственному сыну.

Второе соображение касается баланса сил при дворе. Пока Иван оставался неженатым, влияние братьев Анастасии сохранялось и даже могло возрасти. Вступив в новый брак, он изменил бы ситуацию, ослабив прежнюю партию за счет новой. Следовательно, многие бояре, недовольные причастностью к власти братьев Анастасии, выступали за подыскание царю подходящей невесты.

Но на этот раз Иван не собирался устанавливать родственные связи с русским семейством, что снова привело бы к усилению окружения его невесты. К тому же в прошлом русские великие князья брали себе жен из иноземных правящих домов, и он мог последовать их примеру. Итак, Иван стал присматривать себе супругу из зарубежной королевской фамилии. Речь о смотринах уже не шла. Брак становился средством внешней политики. Но Иван оставил за собой некоторую возможность выбора. Он приказал своим посланцам разузнать о кандидатурах шведских и польских невест, но татарских девиц велел привезти в Москву, чтобы он мог увидеть их лично¹¹. Сначала Иван обратил свои помыслы в сторону Польско-Литовского государства, несмотря на напряженность, установившуюся в отношениях между двумя странами. Впрочем, война между Россией и Польшей-Литвой еще не началась; русские войска развивали наступление от Дерпта в Ливонии, а шведы осаждали Ревель, но Сигизмунд Август все еще вел переговоры с новым гроссмейстером ордена по поводу дележа остатков его владений после окончательного крушения орденой организации.

У Сигизмунда Августа были две сестры, обе на выданье, Анна (стар-

шая) и Екатерина. Митрополит Макарий заверил Ивана, что отдаленное родство в данном случае не является помехой браку¹². Переговоры с литовской частью конфедерации продолжились, и 8 августа в Вильно отправилось русское посольство с предложением заключить мирный договор между странами, заручившись обещанием руки княжны Екатерины. Царь еще не знал, сколько ей лет, но отдавал предпочтение младшей сестре, видимо, как более способной произвести на свет ребенка. Было выдвинуто условие, чтобы Екатерина перешла в православную веру, и кроме того, Иван приказал послам приватно договориться с литовской знатью о том, что в окончательной форме брачный контракт будет составлен в Москве по образцу, использовавшемуся при женитьбе великого князя Василия I на великой княгине Литовской Софье Витовтовне в 1390 году. Уже на этой стадии в инструкциях Ивана оговаривалось, где надлежит встречать и как провожать польскую княжну в Москву, а также в каких покоях апартаментов царского дворца она будет размещаться. По всей видимости, у Ивана не возникало и мысли о возможном отказе. Однако если бы литовцы стали настаивать на сохранении невестой ее прежней веры, переговоры следовало прекратить¹³.

В длинной инструкции своим послам Иван с подкупающей откровенностью говорит о мотивах, побуждающих его искать вечного мира с Сигизмундом: *«По воле Господней и по грехам нашим государь наш царь и великий князь лишился своей царицы, но он еще не в том возрасте, чтобы обходиться без жены»*. Затем послы просили увидеть королевну «в глаза». Литовские представители, естественно, настаивали на том, чтобы Екатерине было позволено оставаться в своей вере и чтобы переговоры о браке проходили в Вильно. Они заявили, что у правителей не принято показывать своих дочерей или сестер послам, хотя те могут взглянуть на нее в костеле. Хорошо подготовленные русские посланцы заметили, что все предыдущие брачные договоры между обеими династиями заключались в Москве, этим подтверждалось первенство Москвы над Литвой. Послы расспрашивали подробности о возрасте и здоровье сестер Сигизмунда и просили снабдить их *парсунами* или портретами королевен. Гонцы ездили из Москвы в Вильно и обратно, но Сигизмунд явно ставил палки в колеса переговорам. Он хорошо осознавал, что брак ничего ему не даст, что он может лишиться Ливонии, которую так же жаждал присоединить, как и Иван. Теперь он выдвинул в качестве предварительного условия вывод русских войск из Ливонии.

Иван, разумеется, не просто искал себе жену. Брак с сестрой Сигизмунда усилил бы русские позиции в ливонском вопросе, в частности, в противостоянии со Швецией, и позволил бы царю сформировать в Польше партию своих сторонников, разделив более воинственно настроенных литовцев и менее агрессивных поляков. Тем временем Сигизмунд продолжал противиться усилению позиций России. Он по-прежнему отказывался называть Ивана царем, хотя согласился именовать его братом. Король ссыался на такие препятствия, как необходимость посоветоваться с сеймом, с императором Священной империи и своим зятем, герцогом Брауншвейгским, а также ссыался на то, что предыдущие браки заключались с представителями великого княжества Литовского, которое теперь стало королевством и требовало соответствующего обхождения. На деле Сигизмунд был уверен, что не получит своей доли Ливонии, не воюя с Россией. Иван, как всегда бывало, когда он встречал препятствия на своем пути, сделался еще более неуступчивым, стал снова предъявлять требования на бывшие киевские земли и на Ливонию как свою вотчину и заявлять, что среди государей равным ему по статусу является только император Священной Римской империи.

Литовские послы, в свою очередь, были озабочены положением, в котором окажутся будущие дети Ивана и Анны или Екатерины Ягеллонки ввиду того, что русские представители заявили о преимуществе, сохраняемом детьми царя от первого брака. Улучшению взаимоотношений между двумя государями не способствовали упреки Ивана, адресованные Сигизмунду после того, как царь получил депеши, перехваченные Даниилом Адашевым и свидетельствующие о попытках польского короля убедить крымцев объявить России войну¹⁴. Переговоры продолжались до 16 февраля 1561 года, когда Иван отослал литовскую делегацию и отказался от женитьбы, затаив, однако, в душе обиду.

Переговоры о мире, в котором нуждались обе стороны, продолжались¹⁵, причем литовские послы попытались привлечь к ним в качестве посредника Макария. Но лукавый митрополит не дал себя втянуть в споры и напомнил федератам о том, что и Литва принадлежала Ивану в качестве его «вотчины». Столь же непомерными были притязания Сигизмунда на Новгород, Псков и, естественно, Смоленск.

Надежды Ивана на шведский брак пошли прахом вследствие смерти в сентябре 1560 года короля Густава Вазы. Принц Эрик был вынужден

свернуть свои ухаживания за королевой Елизаветой и вернуться на родину. Но третье русское посольство, отправленное за границу в поисках невесты для царя, оказалось более удачным. Оно посетило хана Кабарды Темрюка, который уже объявил себя вассалом Ивана и вместе с его войском участвовал в военных походах против Крыма. В 1558 году Темрюк прислал в Москву своего сына Салмука, еще подростка, и Иван привязался к нему¹⁶. Позднее тот был крещен под именем Михаила и получил фамилию Черкасский. Иван велел ему обучаться своему письму. Род Черкасских, представлявший собой обширный клан выходцев из Кабарды, пережил, в отличие от самого Михаила Темрюковича, правление Ивана и в семнадцатом веке стал одним из самых богатых княжеских и боярских семейств России.

Русские послы посмотрели на дочерей Темрюка и вернулись с одной из них, не оставив, таким образом, царю никакого выбора. Это была княжна Кученей, которой было примерно пятнадцать лет и которая, к счастью, пришлась Ивану по душе. Она приготовилась к переходу в православие под руководством митрополита Макария и была крещена под именем Марии незадолго до своей свадьбы 21 августа 1561 года¹⁷.

Не исключено, что при дворе имелось немало противников этого брака. Перед свадьбой к Ивану обратился его двоюродный брат по материнской линии, князь Василий Михайлович Глинский, прося о снисхождении за неизвестную нам обиду, нанесенную митрополиту Макарию и всему церковному собору. Его заставили подписать обязательство, что он не сбежит в Литву и не станет вести тайные переговоры с польским королем¹⁸. Впрочем, об упомянутой свадьбе мы мало что знаем, за исключением написанного позднее агентом Московской компании сэром Джеромом Горсеем, который явно повторил слухи, дошедшие до него в Москве: «*Указанное брачное торжество имело столь странный и языческий характер, что просто трудно в это поверить*»¹⁹.

Большинство историков отвергают мысль о том, что царица Мария могла оказывать какое-то влияние на Ивана, впрочем, многие не согласны также с тем, что на него могла воздействовать и Анастасия, как и с допущением того, что великая княгиня Софья влияла на Ивана III. Трудно сказать, является ли такое мнение следствием врожденной у русских неприязни к женщинам или неверия в их способности* либо

* Оставляем это странное утверждение на совести автора.

проявлением материалистического истолкования истории. Через год после женитьбы на Марии, в августе 1562 года, Иван послал Троицкому монастырю дар в размере 1000 рублей для поминальных молитв по Анастасии; правда, когда в 1569 году умерла Мария, он подарил монастырю 1500 рублей и золотое блюдо. По мнению историка Флори, разница в суммах указывает на большую привязанность царя к Марии, чем к Анастасии²⁰. Но возможно, Иван считал, что Мария больше нуждается в молитвах. «...*Легко* понять, что он [Иван] мог выиграть [в нравственном отношении**] от союза с дикаркою*», — писал Соловьев²¹, а по мнению современников, Мария была дикой и жестокой по натуре, поощряла его дурные наклонности, но была неспособна поддерживать в нем любовь²².

В самом деле, после смерти Анастасии нравы при русском дворе сильно переменились. Почти сразу Иван стал впадать в буйные приступы беспутства, предаваясь пьянству, блуду и содомии, что приводило в такой ужас придерживавшегося строгих нравов Курбского, рассказавшего об этом. В своем первом письме к Ивану от 1564 года Курбский осуждает дурных советчиков царя и предостерегает против «от блуда зачатого богоборнаго Антихриста», намекая на то, что один из приближенных царя «от преблужения рожден есть» (вероятно, А.Д. Басманов)²³. В заключение он пишет: «*Не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю! В закони господни в первом писано: "Моавитин и аммонитин, и выблядок до десяти родов во церков божию не входят"*»²⁴. В своей «Истории», написанной в 1570-е годы, Курбский ссылается на «злых льстецов и погубителей», по наущению коих «начинаются частые пиры со многим пьянством, от которого всякие нечистоты происходят». Великие чаши, дьяволу обещанные, полные пьяного питья, настойчиво предлагают царю, пока он не напивается до бесчувствия. На тех, кто не хочет принимать участия в этих пьяных оргиях, тайно доносят как на недоброжелателей царя. «О, воистину новое иголослужение, обещание и приношение, не болвану Аполлону и прочим, но самому Сатане и бесам его». Курбский переходит к перечислению неприятностей, обрушившихся на царя из-за того, что он променял свое целомудренное и святое жительство на

* В англ. тексте: «нелегко».

** В англ. тексте пропущено.

нечистоты, всяких скверн исполненные; вместо силы и праведности царского суда льстецы подвигли его на лютость и бесчеловечность, на лень долгого сна, после которого он встает с головной болью*. Иван подвергается также обвинению в трусости и бегстве с поля битвы от мусульман. *«Разве не было часа образумиться, — пишет Курбский, — и покаяться перед Богом, как это сделал Манассия, и отступить от самоволия, подчинившись повелениям Иисуса Христа...»*^{**25}.

Действительно, 1560 год был ознаменован «великим гонением», как это называет Курбский, всплеском разгула, сопровождавшимся периодическими приступами жестокости и произвола, как будто бы Иван вдруг освободился от тяжелого гнета, наложенного на него нравоучениями Сильвестра и примером достойной жизни, который показывал ангелоподобный Адашев. *«Злокозненные льстецы»* (Захарьины-Юрьевы), по словам Курбского, убеждали царя, что Сильвестр и Адашев держали его в оковах, повелевая ему, что есть, и что пить, и *«как с царицей жить»*²⁶.

Царь плясал со своими друзьями, надев маску (что было запрещено церковью), и окружал себя скоморохами, бродячими шутами, певцами и актерами сомнительной репутации, которые принадлежали к низшим слоям общества²⁷. Это также приводило более пожилых и консервативных бояр в ужас. Князь Дмитрий Овчинин-Оболенский был убит за неосторожно сказанное слово; он упрекнул Федора Басманова, нового любовника царя: *«мы служим царю полезными делами, а ты для грязных содомских утех»*. Басманов пожаловался Ивану, который сперва опрокинул на Овчинина-Оболенского блюдо с кипящей жидкостью, а затем заколол его²⁸.

В какой мере подобные вспышки жестокости, свидетельствующие о почти полной перемене характера, были вызваны психологическим шоком, связанным со смертью жены Ивана, несмотря на то что это событие не стало неожиданным? Речь идет не просто о потере того, кого он сильно или не очень сильно любил, но о том, кто принадлежал ему, был его собственностью. Эта потеря наверняка привела к обостренному ощущению уязвимости, чувству страха, порожденному тем,

* В англ. тексте: «с зеванием».

** Английский перевод значительно отличается и отчасти противоречит оригинальному тексту: *«Не пора ли было прийти в чувство ... и в согласии со своей свободной от природы [выделено мной. — Переводчик] волей обратиться к Творцу...»*.

что представлялось Ивану удачным покушением на близкое ему лицо, которое совершили другие близкие ему люди, по всей вероятности, используя колдовские чары.

В начале 1562 года князь И.Д. Бельский, принадлежавший к чрезвычайно влиятельному роду Гедиминовичей и ближайший родственник царской фамилии, попытался бежать в Литву. Он был посажен под домашний арест, а двое воинов из его слуг были казнены. Однако опала долго не продлилась, и его заставили представить коллективное поручительство, согласно которому вступавшиеся за него шесть бояр и 119 служилых дворян из разных уголков страны обязались в случае новой попытки бегства с его стороны выплатить десять тысяч рублей. Сам Бельский был вынужден принести новую клятву верности²⁹. Распространяя денежную ответственность на сословие служилой знати, Иван добивался того, что ее представители будут внимательно следить за любыми проявлениями неверности Бельского. Как бы то ни было, князь был вскоре освобожден, хотя поручительство оставалось в силе³⁰.

Следующей жертвой стали два брата Воротынских, Михаил Иванович, самый выдающийся и высокопоставленный из полководцев Ивана, награжденный титулом слуги и боярина за его подвиги при взятии Казани, и Александр. Согласно Курбскому, Михаил был опытейшим, крепким и мужественным военачальником, и оба брата принадлежали к немногим оставшимся в живых из небольшой группы «верховских князей», чьи имения, граничившие с Литвой, по статусу были ближе к удельным, чем земли служилых князей. Летом 1562 года им была поручена оборона рубежей Оки у Серпухова от крымских татар, но навязать последним сражение так и не удалось.

Серпухов находился не столь далеко от их удела в Воротынске, и, как титулованные князья, они располагали огромной свитой, насчитывавшей более тысячи всадников, поэтому Ивану могло казаться, что они представляют для него опасность³¹.

В 1562 году Александр был сослан в Галич и подписал поручительство: восемь бояр вместе с сотней князей и служилых дворян выставляли за него пятнадцать тысяч рублей, но дворяне были еще менее знатными, чем в случае с Бельским, так что Иван в своем стремлении контролировать элиту обращался к низам. Александр обратился к царю с местнической тяжбой, но Иван резко отмахнулся от него: *«Ты должен*

стоять ниже князя Пронского и знать себе цену, должен служить нам, как мы укажем». Видимо, Александр посчитал этот ответ слишком унижительным, так как вскоре он постригся и позднее умер³².

Судьба казанского героя Михаила Воротынского была несколько иной, что свидетельствует о сохранении Иваном некоторой степени самоконтроля и проливает к тому же дополнительный свет на обычай ссылат в монастыри. Князь в 1562 году был отправлен в тюрьму Белозерского монастыря вместе с женой и двумя детьми, и о некоторых подробностях его содержания можно судить по отчетам приставов, которые отвечали за него в монастыре. Князю полагалось получать довольствие на год, который начинался в марте, хотя выплаты были нерегулярными. Всего на семью и двенадцать человек свиты предусматривалось выделять девяносто восемь рублей и двадцать семь алтын в год (пятьдесят рублей на князей и сорок восемь на челядь) и, кроме того, двенадцать рублей на платье для каждого члена семьи и еще четырнадцать рублей семнадцать алтын на слуг (двух мужчин и двух женщин). Однако князь в конце первого года через своих стражей обратился к царю с просьбой доставить ему одежду и исподнее для него и его семьи, а также скатерти, которых у него не осталось, тарелки и котелки, потому что старые прохудились, а новые купить было не на что, и еще сковороды, блюда и кубки для вина. Он хотел получить бочонок бастра³³, бочонок романей (испанского вина) и бочонок ренского, сотню лимонов, три гривенки имбиря, двух свежих севрюг и двух свежих стерлядей, обещанных ему и не полученных, полпуда винных ягод, полпуда изюма, три бочонка сливок, еще лимонов, воска, шафрана, перца, гвоздики, мехов для шуб и одежды, отрезов тафты и других шелковых тканей, поскольку *«княжны выросли из своих платьев»*. Нам не известно, получил ли князь Михаил то, что казна ему задолжала, но сам факт его обращения с прошением говорит о том, что ссылка не была столь невыносимой в бытовом отношении, как можно было бы предположить³⁴. Его список дает также представление о режиме питания русской аристократии.

29 октября 1562 года в немилость попал еще один вельможа, более тесно связанный с Алексеем Адашевым (он единственный, кто упоминается как член так называемого правительства Адашева), а именно князь Дмитрий Иванович Курлятев-Оболенский, которому было приказано принять монашеское облачение вместе с женой и двумя сыновьями. Курбский, кото-

рый считал его прекрасным мужем и добрым советником, был возмущен насильственным пострижением и называл неслыханным беззаконием такое обращение в монашество целой семьи, хотя случалось, что монахами принуждали стать отдельных лиц³⁵.

Пока царь был занят устройством своих личных дел, Ливонская война, которая до этого ограничивалась главным образом конфликтом между Россией и Ливонским орденом, начала разрастаться, и в ее орбиту постепенно втягивались все балтийские державы. Новый датский король Фредерик II заявил о своих притязаниях на остров Эзель.

Балтийские морские державы в это время конфликтовали друг с другом вследствие глубоких расхождений в их отношении к России. Все они стремились контролировать торговлю с ней и воспрепятствовать ввозу боеприпасов для царя через Нарву, а также на английских судах по Белому морю. Больше всего против этого опасного трафика выступали Ганзейская лига и остатки Ливонского ордена, но все балтийские страны были убеждены, что, как только Россия получит достаточно грузов оружия, боеприпасов и продовольствия — даже соли и сельди, чтобы снабдить свои войска и накормить солдат, она тотчас же развяжет против них войну. Ливонцы и Ганза оказывали интенсивное давление через имперский рейхстаг и Сигизмунда Августа даже на королеву Елизавету, чтобы она свернула торговлю с Россией. Все были уверены, что вооружения так или иначе поступают к Ивану IV, поскольку, по мнению немцев, русские были неспособны сами производить их.

Императором в это время был Фердинанд I, который присоединился к запрету, и в 1560 году Сигизмунд Август сообщил Елизавете Английской о том, что он будет задерживать корабли, идущие в Нарву. Как ей должно быть известно, русские являются *«вселенскими врагами свободы»*, и если Иван завладеет пока недоступным для него оружием, он поработит все прочие народы. Елизавете было хорошо известно, сколь жестоким и могущественным властителем был Иван, как тиранически он управлял своими подданными и *«в каком рабстве они пребывали»*. Конечно, долгом всех добрых христиан было воспрепятствовать вооружению царя. Елизавета, разумеется, отрицала, что она поставляет Ивану оружие, и если такие поставки имели место, то они были тайными и редкими. Ведь на деле русские не нуждались во ввозе пушек и ружей, и большая часть судов, захваченных из-за участия в торговле с Нарвой, шла с товарами из России, а не в Россию. Но этот эпизод в целом является характерным примером

использования столь действенной донныне пропаганды, в данном случае предназначавшейся торговыми конкурентами России для ее исключения из торгового оборота с Западом³⁶.

Гроссмейстер Ливонского ордена напрасно взывал о помощи к тем, кто мог быть заинтересован в упрочении своего контроля над Балтикой: германскому императору, Ганзе, в частности к Любеку, — все они предпочитали ухватить свою долю при разделе Ливонии. 28 ноября 1561 года между Сигизмундом Августом и Кеттлером было подписано соглашение о роспуске Ордена. Кеттлер перешел в протестантскую веру и в качестве вассала Сигизмунда стал герцогом Курляндским, при этом на рижских бюргеров было оказано сильное давление — хотя безрезультатно, чтобы они согласились на оккупацию города поляками. В окончательном варианте договора между Сигизмундом и Кеттлером, ратифицированного в марте 1562 года, Рига была все же выведена из-под польского контроля, и федерации пришлось вступить в борьбу за этот важный в стратегическом отношении порт.

Между тем подписанный Россией со Швецией договор о мире на двадцать лет должен был значительно облегчить положение Ивана, поскольку его противником оставалось только Польско-Литовское государство. В марте 1562 года русское перемирие с Сигизмундом Августом истекло, и Иван послал отряд под командованием И.В. Шереметева и И.М. Воронцова, а также нескольких татарских князей для разорения приграничных литовских земель. Князь А.М. Курбский совершил рейд на Витебск, переноса, таким образом, военные действия на территорию Литвы. Сам Иван в мае принял участие в неудачной операции, которую пришлось свернуть, чтобы отбить нападение крымских татар на юге, согласованное с королем Сигизмундом Августом. В августе 1562 года Курбский был ранен в сражении, в котором русские упустили победу, за что Иван позднее упрекал его. Русское войско было вынуждено сдать часть захваченных городов литовцам. В сентябре 1562 года царь вернулся в Москву. Военные действия возобновились с взятием литовским полководцем Радзивиллом литовской крепости Тарваст, впоследствии сданной Ивану и разрушенной им.

Предметом озабоченности Ивана в это время было, с одной стороны, вскрытие и предупреждение вероятных измен, а с другой — достижение поставленных им военных целей путем наступления на польско-литовские силы. Оно привело к одному из главных успехов Рос-

сии в этой войне — взятию важнейшего транспортного и стратегического центра, города Полоцка, некогда принадлежавшего Рюриковичам и державшего под контролем Западную Двину и путь на Ригу. В конце ноября 1562 года царь собственной персоной возглавил отряд, по некоторым сведениям насчитывавший около 280 000 воинов и двести пушек; его сопровождали, как обычно, двоюродный брат Владимир Старицкий, два крещеных татарских царевича Александр и Симеон (в летописях их называют царевыми братьями) и еще четыре татарских царевича (Ибак, Тохтамыш, Бекбулат и Кайбула). Остановившись по дороге для того, чтобы забить до смерти булавой князя Ивана Шаховского, Иван осадил Полоцк 31 января 1563 года³⁷. Через три недели город капитулировал.

Для Ивана это был не просто крупнейший военный успех, но и отвоение вотчины, которой владели его предки, шаг на пути к возвращению Киева, и теперь он прибавил к своему титулу слово «Полоцкий». В ходе кампании ставка Ивана располагалась в монастыре святых Бориса и Глеба в окрестностях города, и в память об этих князьях-мучениках из древней киевской династии Полоцк был возвращен также в лоно Православной церкви, как и собор святой Софии, центр почитания которой находился в Киеве³⁸. Иван обещал гражданам Полоцка сохранить их личную свободу и имущество, но не сдержал слова. Он захватил собственность богатых и влиятельных горожан, отправил епископа, многих знатных жителей и воеводу как военнопленных в Москву, приказал снести латинские церкви и крестить евреев, а тех, кто не пожелает, утопить. Несколько дней царь посвятил празднованию обретения города своих предков, который рано попал под власть Литвы и благодаря этому (как саркастически замечает Карамзин) спасся от монгольского разорения³⁹. Русские источники подчеркивают радушный прием, оказанный Ивану как главе православного мира многими литовскими единоверцами. Впечатляющий успех русских заставил Сигизмунда, опасавшегося русского наступления на Вильно, начать через советников переговоры с русскими боярами о перемирии, которое было заключено Иваном на срок до конца 1563 года. Переговоры русских о мире с крымским ханом также были успешно завершены⁴⁰.

Ивана так вдохновило взятие Полоцка, что на пути в Москву он задержался в Старице, чтобы присутствовать на пышном пиру, устроенном княгиней Ефросиньей, матерью его двоюродного брата Владимира, и чтобы наградить брата. Вскоре после этого он получил радостное

известие о рождении у царицы Марии сына, нареченного Василием; таким образом, повторялась история с взятием Казани. (Увы, ребенок умер 3 мая.) Затем Иван совершил продолжительную поездку по землям, конфискованным у князей Воротынских, после чего вернулся в Александровскую слободу в Переяславском уезде, которая в дальнейшем стала его излюбленной резиденцией. В этом живописном лесном имении на берегах реки Серой некогда находилась пустынь, в окрестностях которой в изобилии водились зайцы, медведи и волки⁴¹. При великом князе Василии III здесь был охотничий заказник, в котором построили дворец и церковь, и князь ездил сюда на охоту.

Однако повсеместное прекращение военных действий стало, возможно, результатом коренного расхождения во мнениях при русском дворе.

Должен ли Иван сосредоточиться теперь на борьбе с крымскими татарами для защиты своих южных границ и отвоевания выхода к Черному морю или ему следует заключить с татарами мир и попытаться разгромить Сигизмунда, по всей видимости, самого опасного из его врагов, чтобы закрепить за собой Ливонию и балтийское побережье? Большинство историков полагают, что двор разделился на два лагеря и что изгнание и предполагаемая опала Адашева были вызваны утратой доверия со стороны Ивана к советнику, занявшему, в отличие от Висковатого, неуютную ему позицию. Считается, что, так как Адашев попал в немилость, он, вероятно, противился наступательной политике Ивана в Ливонии, а к его падению могло привести внезапно возникшее у Ивана чувство отвращения к его ближайшим соратникам из-за того, что устои ставшей ему привычной за последние четырнадцать лет жизни рушились.

Всего три месяца спустя конфликт, назревавший между Иваном и его двоюродным братом Владимиром Старицким, вступил в свою первую стадию. У Ивана, который всегда питал к нему подозрения, хотя и скрывал их под маской дружелюбия, появился необходимый для этого предлог. Служитель Владимира, заключенный им по какой-то причине в темницу, сумел донести царю, находившемуся в своей новой резиденции в Александровской слободе, что его хозяин замышляет отравить государя. Иван потребовал выдать ему доносчика, нарядил следствие со всеми полагающимися в этом случае пытками и призвал Макария вместе со Священным собором к суду над Владимиром. Макарию по

обыкновенно удалось уклониться от возникшей угрозы, и ситуацию разрядила княгиня Ефросинья, объявив о своем намерении постричься в монахини. Неизвестно, сделала ли она это по своей воле или по принуждению⁴². Ефросинье было разрешено удалиться в основанный ею на Белом озере монастырь, не подвергаясь никаким унижениям, с подобающей ей свитой в лице жен ее бояр и приближенных воинов, которым были выделены земли в окрестностях этой обители. Иван тем временем заменил всех бояр и дворян Владимира на своих ставленников и конфисковал значительную часть его имений⁴³. Скрынников по этому поводу снова замечает, что по русским законам того времени члены Боярской думы не могли подвергаться наказанию без соответствующего судебного процесса, проведенного при участии равных себе по статусу, то есть бояр. Но «дело» Старицкого породило такие трения между царем и боярами, что Иван не пожелал прибегнуть к обычной процедуре, если только таковая вообще существовала. Трудно согласиться с представлениями Скрынникова о русском судебном процессе и об уважении к его соблюдению, памятуя о бесчисленных казнях, в частности, расправах с остатками Адашевской родни, которые совершались тогда по чистому произволу царя⁴⁴.

Конец 1563 года был ознаменован естественной кончиной двух важнейших лиц из окружения Ивана: прежде всего его брата Юрия, который умер 24 июня 1563 года⁴⁵. Иван всегда относился к Юрию, который не представлял для него угрозы, с вниманием и даже любовью; как царский брат тот располагал собственным двором, боярами и вооруженной свитой. На похоронах присутствовали бояре и вельможи, отсутствовал только митрополит Макарий, находившийся при смерти. Юрию очень повезло с женой, которая после его смерти удалилась в Новодевичий монастырь и жила там в роскошных покоях, приготовленных для нее по настоянию Ивана; здесь она прославилась своей набожностью и благотворительностью⁴⁶. Ивану достались все удельные земли бездетного Юрия. Трудно оценить степень этой утраты для Ивана, поскольку мы не знаем, в какой степени недееспособность Юрия отражалась на его поведении.

Митрополит Макарий умер на склоне лет в последний день 1563 года*. Вероятно, ему было уже за восемьдесят, и он так и не оправился от уве-

* По западному календарю.

чий, полученных во время пожара 1547 года (см. главу IV, стр. 101 и след.). Несмотря на бурную деятельность митрополита в 1550-е годы, его влияние стало снижаться, вероятно, с момента серьезной болезни Ивана в 1553 году, а также в связи с тем, что он постоянно донимал царя использованием — и часто очень успешным — своего права *печалования*, или заступничества, за тех, кто попадал в царскую немилость.

Роль митрополита в религиозной, политической, интеллектуальной и художественной жизни России была значительной. Например, он содействовал введению книгопечатания⁴⁷. Оно начало проникать в страну около 1553 года, и первой книгой, напечатанной на русском языке в России, было богато украшенное издание Апостола (то есть извлечений из Деяний и Посланий апостолов, используемых в богослужении), которое увидело свет в марте 1564 года после смерти Макария по приказу царя и нового митрополита Афанасия. Книга должна была послужить доказательством преимуществ русской церкви и широко распространялась в отвоеванном Полоцке. В 1564 году царь повелел создать (за его счет) типографию во главе с квалифицированным печатником Иваном Федоровым, русским, который учился в Краковском университете и быстро издал требуемые тексты. Разумеется, с началом книгопечатания встал вопрос о надежности используемых рукописей, и возникла опасность для издателя и печатника в связи с появлением в тексте недопустимых изменений — результатов опечаток. Как бы то ни было, и Федоров, и его помощник в 1565 году покинули Москву; как объяснял позднее, в 1574 году, книгоиздатель, он поступил так ввиду *«великих притеснений, от которых мы много страдали, чинимых не по воле Государя [Ивана], а самими чиновниками и церковными властями»*. Далее Федоров поясняет, что невежды обвинили их в ереси, и, предпочитая спастись от гонителей и завистников на чужбине, они отправились куда глаза глядят⁴⁸. Тем не менее типография продолжала работу под наблюдением самого Ивана в Александровской слободе.

Еще одно приснопамятное деяние Макария связано с его усилиями по повышению авторитета митрополита и распространению его власти на всю Россию: он привез с собой в Москву «белый клобук», который носили новгородские архиепископы. По легенде белый клобук был подарен императором Константином Великим папе Сильвестру I и символизировал первенство духовной власти над светской (одна из вариаций Константинова дара). Первое время папы берегли его как зеницу ока, но в период раскола,

начавшегося в девятом веке, клобук едва не погиб. Тогда его отправили в Константинополь с наказом передать архиепископу Новгородскому, в стране которого сохранилась истинная вера. Отныне его судьба связывалась с теорией о Третьем Риме, поскольку было предсказано, что столица империи (Константинополь) попадет в руки агарян и утратит подлинную веру. Но хотя в Третьем Риме (России) имперский венец достанется царю, белый клобук должен храниться в Великом Новгороде⁴⁹. Макарий, безусловно, в бытность архиепископом Новгородским носил белый клобук, но, забрав его с собой в Москву, он продемонстрировал, что московская кафедра становится важнее новгородской. На Священном соборе, заседавшем в феврале 1564 года совместно с Боярской думой, новый статус белого клобука был закреплён. Архиепископ Новгородский не лишился права носить его, но его приобрел и митрополит⁵⁰. Одну услугу Макарий оказал Ивану совсем незадолго до смерти, добившись от патриарха Константинопольского подтверждения царского титула Ивана.

Макарий пользовался высоким нравственным авторитетом, хотя некоторые историки обвиняли его в малодушии. Он был ярким оратором и проповедником и, по всей видимости, одним из немногих образованных и честных людей в окружении молодого Ивана. Более чем кто-либо другой, он повлиял на культурное формирование юного правителя, прежде всего на его представление о своем высоком положении и власти, полученной от Бога. Однако, по мнению Макария, власть влекла за собой ответственность, и на склоне лет митрополит собирался уйти в монастырь, устав от жестокости Ивана, на которого уже не мог повлиять. Трудно установить, познакомил ли Ивана с Сильвестром именно он, но, несомненно, оба священнослужителя были серьезнейшей помехой для исполнения капризов и прихотей Ивана. Некоторые историки (например, Карамзин) критикуют Макария за тщеславие и недостаток смелости, чтобы противостоять Ивану, но все согласны в том, что он без колебаний укорял царя за его распутный образ жизни и за жестокие расправы, и в том, что своим заступничеством он многим спас жизнь, хотя бы и на время. Вера Макария не была фанатичной, и к еретикам он относился мягче, чем его предшественники (современники, скорее, были склонны приписывать фанатизм Ивана влиянию Сильвестра). В то же время он был последовательным сторонником крестового похода против мусульман и твердым приверженцем гармонии духовной и светской власти, а также церковного землевладения.

Накануне смерти Макарий надеялся получить отставку и разрешение удалиться в монастырь, но Иван не допустил этого. Тем не менее, по свидетельству более поздней летописи, митрополит сделал еще одну попытку утешить Ивана мыслями о смерти и Страшном суде. Когда царь попросил Макария прислать ему приличествующие благочестивые сочинения, тот доставил царю книгу заупокойных молитв. Это разгневало царя, который воскликнул, что таким книгам не место в его царских палатах.

Макарий ответил, что из благочестивых сочинений он выбрал *«самые душеспасительные, ибо читающий их с прилежанием не согрешит»*.

Говорили, что митрополиту являлись видения бедствий, грозивших России, и он молил Бога: *«Бесчестье, кровопролитие и разделение земли грядут на нас... Господи, смилостивись надо мной, отврати свой гнев. Если ты не можешь простить нам наши грехи, не допусти этого при моей жизни, не оставляй меня видеть это...»*. Смерть митрополита устранила все нравственные препоны на пути Ивана к неограниченной власти⁵¹.

Протоиерей Андрей, который работал вместе с Макарием над составлением Степенной книги (летописи о сотрудничестве глав русской церкви и государства, начатой Макарием в 1560-е годы и восходившей к Рюриковичам и их мифическому прародителю Прусу, брату римского императора Августа), в 1549 году занял должность духовника Ивана (обязанности которого, безусловно, были нелегкими). В 1563 году он постригся под именем Афанасия, стал монахом Чудова монастыря и после смерти Макария, 24 февраля 1564 года, был назначен митрополитом. Это назначение явно было устроено Иваном, который рассчитывал на перемену в обращении по сравнению с Макарием и Сильвестром. Очевидно, Афанасий был нестрогим и нетребовательным исповедником, но в качестве митрополита он проявил неожиданную суровость. Он надеялся добиться канонизации Макария, но его усилия оказались безуспешными. Новый порядок, который собирался установить Иван, не оставлял места для таких, как он, и вскоре Афанасий покинул свой пост⁵².